

УДК 341.4:34.03:17
DOI 10.36511/2078-5356-2021-2-10-21

Синченко Георгий Чонгарович
Georgiy Ch. Sinchenko

доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры философии и политологии
Омская академия МВД России (644092, Омск, пр-т Комарова, 7)

doctor of sciences (philosophy), professor, honored worker of higher school of the Russian Federation, professor of the department of philosophy and political science
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (7 Komarova av., Omsk, Russian Federation, 644092)

E-mail: gsinchenko@rambler.ru

Нюрнбергский кодекс 1947 года в калейдоскопе интерпретаций и противоречий

Nurnberg code 1947 in the interpretation and contradiction kaleidoscope

Воззрения на Нюрнбергский кодекс, в котором проведенный американскими оккупационными властями в 1946—1947 годах суд над группой представителей медицинского персонала нацистской Германии изложил принципы морального нормирования опытных исследований на человеке, нуждаются в обновлении, поскольку за истекшие семь с половиной десятилетий вокруг него образовался слой фактических ошибок и надуманных оценок. В настоящей статье предложен критический анализ данного явления на основе контент-анализа более шестидесяти русско- и англоязычных научных публикаций, других источников, включая официальные судебные материалы. На основе исторического подхода текст Нюрнбергского кодекса представлен как результат процесса, протекавшего под воздействием многих факторов в период до начала и во время суда. Выдвинут тезис о том, что последующее формирование противоречивого и калейдоскопического образа Кодекса ведет его превращению в историческое предание.

Ключевые слова: Нюрнбергский кодекс, Нюрнбергские процессы (суды, трибуналы), медицинская этика, право, эксперименты над людьми, калейдоскоп, казус, интерпретация, нацистская (гитлеровская) Германия.

A look at the Nuremberg Code in which the so called “Doctors’ Trial” carried out in 1946—1947 by the American occupation authorities laid down the moral principles of experimental research on humans needs to be updated, since over the past almost seventy five years a layer of factual errors and fictitious assessments has formed around it. This paper offers a critical review of this phenomenon based on more than sixty Russian- and English-language scientific publications, as well as other sources including official court materials content analysis. A historical approach is taken, thanks to which the text of the Nuremberg Code appears as the result of a process that took place under the influence of many factors in the period before and during the trial. The thesis is put forward that the subsequent formation of a contradictory and kaleidoscopic image of the Code leads to its transformation into a historical legend.

Keywords: Nuremberg code, Nuremberg trials (tribunals), medical ethics, law, human experimentation, kaleidoscope, incident, interpretation, Nazi Germany.

Чем выше ум, тем тень длиннее ляжет,
Отброшенная им на дольний мир.

Р. Браунинг

Одним из аспектов международной реакции на жестокие опыты нацистских врачей во

время Второй мировой войны стала судебная фиксация этически адекватных условий экспе-

© Синченко Г. Ч., 2021

риментов на человеке (добровольное согласие испытуемого, недостижимые другими методами положительные результаты, согласованность степени риска с гуманитарной важностью проблемы и т. д.). В публичном обороте этот текст из десяти пунктов закрепился под именем Нюрнбергского кодекса (далее — НК) и согласно мнению, ставшему практически аксиомой, выступает краеугольным камнем морального нормирования опытных исследований на человеке в международном масштабе.

Вместе с тем, вокруг НК образовался слой фактических погрешностей и неосмотрительных толкований. Чтобы распутать этот казус, нужен обновленный, свободный от клише взгляд на данный правовой и этический «актив», его историю, смысловые и регулятивные ресурсы. Разрыхлить почву такому взгляду — цель предлагаемой статьи.

Казусы восприятия и интерпретации

Источник. По окончании Второй мировой войны в г. Нюрнберге перед Международным военным трибуналом (далее — МВТ) предстало высшее военно-политическое руководство Третьего рейха. Но данный суд, длившийся с октября 1945 по октябрь 1946 года, был не единственным. Цикл из двенадцати последующих (малых) процессов охватил 1946—1949 годы. Дела разбирались американскими военными трибуналами под порядковыми номерами от I до VI. «Эти суды должны были проходить в том же зале в Нюрнберге, и международное право по-прежнему должно было служить стандартом, по которому определяется вина или невиновность. Однако военные союзники Америки в них не участвовали; ответственность за судебное преследование и вынесение приговора обвиняемым... была оставлена исключительно за Соединенными Штатами» [1, р. 131—132].

Мы остановимся на Military Tribunal I, то есть Военном трибунале I, и применительно к нему будем пользоваться не словосочетанием «Нюрнбергский трибунал» и ему подобными, а аббревиатурой НВТ I. Такая терминологическая предосторожность оправдана постольку, поскольку послевоенные нюрнбергские суды «слипаются» друг с другом в исторической памяти и начинают восприниматься как единый «Нюрнбергский процесс» [2, с. 54]. В действительности же формулировку того, что принято называть Нюрнбергским кодексом, следует связывать с работой не МВТ, а именно НВТ I, в 1946—1947 годах слушавшего дело, которое запечатлелось в общественном сознании как

«Медицинское дело» и «Суд над врачами», а официально называется «Соединенные Штаты Америки против Карла Брандта и других» (в полном наименовании перечисляются имена и фамилии всех обвиняемых).

Американский юрист Л. Хармон однажды заявила: «Те, кто изучает Холокост, имеют представление о „Суде над врачами“, но меня удивляет, сколько людей, даже в академических кругах, никогда о нем не слышали» [3, р. 164]. Не берясь определить, насколько последнее верно в буквальном значении, вместе с тем, заметим, что смыкание нюрнбергских судебных разбирательств в единый воображаемый трибунал — частный случай их калейдоскопического восприятия.

Иногда НК относят не к 1947, а к 1946 году, то есть времени завершения МВТ [4, с. 20]. Иногда не расследование «Медицинского дела» приобщают к международному суду над высшими руководителями нацистской Германии, а НВТ I поднимают на уровень международного органа судебной власти. Такая натяжка проникла в американскую же историографию [1, р. 83], хотя вопрос об отношении всей серии малых Нюрнбергских процессов к международному уголовному правосудию по сей день остается предметом дискуссий [5, р. 113—118]. В российской научной литературе упоминания о принятии НК международным судом также встречаются [6, с. 85; 7, с. 110; 8, с. 67], и не всегда понятно, какой именно имеется в виду.

Можно прочесть, что сначала завершился суд, а потом был разработан (принят) НК [9, с. 112; 10, с. 27; 11, с. 85; 12, с. 402; 13, с. 159], причем временами пишут, что это было сделано трибуналом, хотя последняя точка в деле, для рассмотрения и разрешения которого он создавался, была уже поставлена. Видимо, из-за сомнительности такого развития событий другая часть сторонников схемы «кодекс после суда» обходит данный вопрос стороной. Подчас вопрос неодинаково освещается в разных текстах одного ученого (ср.: [14, р. 4; 15, р. 20—21; 16, р. 120—121]).

Процессуальный статус. НК характеризуют в качестве судебного информационного протокола никогда не существовавшего международного военного трибунала «Суд над врачами» [4, с. 20], приложения к обвинительному протоколу по делу «США против Карла Брандта» [17, с. 88] или приговору МВТ [8, с. 67]. Популярно отождествление с разделом «Допустимые медицинские эксперименты» судебного приговора [18, с. 111; 19, с. 26; 20, с. 26; 21, с. 180;

22, с. 235; 23, р. S225]. Это ближе к истине, но все-таки перечень из десяти этических пунктов не данный раздел, а его часть, занимающая менее 40 % общего объема и не обособленная от остального текста. На момент появления в составе постановленного НВТ I приговора НК не публиковался в виде отдельного документа и не фигурировал под привычным нам названием. Разумеется, не все исследователи отклоняются от фактов. Скажем, о НК как компоненте приговора по «Медицинскому делу» пишет Г. В. Грищенко [24, с. 27].

Роль в судебном процессе. Нередко НК описывается в качестве финального акта или ближайшего последствия суда [напр.: 25, с. 103]. Другие авторы воспроизводят альтернативную позицию, четверть века назад оглашенную в Заключительном докладе Консультативного комитета по радиационным экспериментам на человеке (США): «В 1947 г. международный трибунал объявил Нюрнбергский кодекс стандартом, по которому следует судить группу врачей в нацистской Германии за их ужасающие эксперименты военного времени над узниками концлагерей» [1, р. 83—84; ср.: 26, с. 42; 27, с. 83; 28, с. 31]).

Между диаметрально противоположными подходами расположено еще несколько. На взгляд Э. Шустер, «кодекс вырос из самого суда» [29, р. 1437]. В том же ключе высказывается У. Шмидт: «Чтобы понять происхождение десяти принципов допустимых экспериментов на людях в Нюрнбергском кодексе, требуется посмотреть, как развивались прения в начале и дальнейшем течении суда» [30, р. 162]. Аналогичной точки зрения придерживается М. Гродин [31]. П. Вайндлинг предполагает, «что истоки Нюрнбергского кодекса лежат за пределами зала суда и что схема нормативного кодекса была задумана до принятия решения о проведении Суда над врачами» [32, р. 39].

Разберем перечисленные воззрения.

Из анализа кодекса в процессуальном ракурсе ясно, что вариант, по которому он относится к результатам суда, можно считать верным в том специфическом смысле, что содержание НК, в его известном широком кругах ученых и общественности виде, включено в текст приговора, а приговор — это правовой акт, дающий окончательный ответ на основной вопрос судебного дела. Вместе с тем, данный вариант неверен в том смысле, что суд якобы постановил (утвердил, издал, провозгласил) НК наряду с приговором.

Тезис о том, что НК был разработанным для «Медицинского дела» стандартом, логически допустим, однако не выдерживает напора фактов. Как в обвинительном заключении, так и во вступительной речи бригадного генерала Т. Тейлора от обвинения требование добровольного согласия испытуемого — столп всего Кодекса — упоминалось считанное число раз, а некоторые другие принципы если и затрагивались, то лишь неявно и косвенно [33; 34, с. 14—24, 34—91]. В сравнительно интегрированном виде «предварительные условия допустимого медицинского эксперимента над людьми» зазвучали от имени обвинения только спустя свыше полугода [30, р. 240].

Допущение, что все это время список этических директив имелся в виду, но не афишировался или потому, что не был утвержден официально, или потому, что обвинение прибегло к уловке, чтобы заставить процессуального оппонента врасплох, было бы искусственным. Легальной силы НК не имел ни до начала НВТ I, ни на дату оглашения приговора, а этико-правовая полемика все равно вспыхивала, захватывая широкий круг вопросов; пафос прений поднимался даже до цитирования нравственного трактата немецкого философа Николая Гардмана. «Неудивительно, — резюмирует М. Гродин, — что в контексте уголовного приговора судьи сочли необходимым выйти за рамки обвинительного заключения и говорить о более широких нормах медицинской этики» [31, р. 137]. «Хотя казалось, что Нюрнбергский кодекс был создан судебными процедурами, — уточняет Вайндлинг, — на самом деле критерии постоянно менялись с августа 1946 по август 1947 г.» [32, р. 70].

Выводы обоих исследователей подчинены логике исторического подхода. Мы брали НК в готовом виде и взвешивали версии его встраивания в «судебный нарратив» или пристраивания к последнему. Вместе с тем, Кодекс не написан за один прием и не включен единовременным решением ни во внутриамериканский, ни в международный контекст. Воспроизведем наиболее общие черты «динамической» картины НК.

Первое. Хотя прокурор Т. Тейлор впоследствии и назвал НВТ I импровизацией (см. об этом [30, р. 149]), по сведениям из других источников его в целом и НК в частности вряд ли можно счесть чистым судебным экспромтом. Концепция «медицинских военных преступлений», ростки реалистичных представлений о масштабах вовлеченности врачебного персонала в brutальное экспериментирование,

международные контакты следователей и научно-медицинских кругов, проработка определенных аспектов в правительственных кабинетах — все это расставлявшие еще с осени 1945 года вехи к «Суду над врачами» и предпосылки формирования его этической платформы [32, р. 37—49].

Второе. Нет ни единственного лица, на которое можно указать как на автора кодекса, ни группы лиц, подпадающих под понятие авторского коллектива. Чаще всего упоминают двух американских экспертов: физиолога с более чем солидной репутацией Э. Айви (Иви) и не понаслышке знавшего мир немецкой медицины невролога Л. Александера. В связи с начальными фазами работы над НК звучит имя физиолога Дж. Томпсона, а в связи с окончательной редакцией — судьи Г. Себринга. В числе тех, кто способствовал прояснению на суде основоположений медицинской этики, приводят свидетеля обвинения немецкого психиатра и историка медицины В. Лейббранда; впрочем, оценки его вклада сильно расходятся [ср.: 29; 30, р. 207; 35]. Таким образом, мы можем с уверенностью или высокой вероятностью говорить, что руку к тексту НК либо к непосредственному артикулированию тех идей, которые его наполняют, приложили не менее четырех или пяти человек.

Третье. За облеченной в юридическую лексикой позицией обвинения непременно следует, на чем особенно настаивает Вайндлинг, услышать живой голос жертв [32, р. 42—43; 36, р. S163—S164]. И это не аллегория: речь идет о совершенно конкретных инициативах, от протеста польских политических заключенных в женском лагере Ревенсбрюк весной 1943 года до заявлений бывших узников в полицию после разгрома гитлеровской Германии. «Суд над врачами полагался на показания потерпевших больше, чем четырехсторонний Международный военный трибунал или последующие американские военные (military-administered) суды» [36, р. S163].

Четвертое. На феномен НК невольное воздействие оказала также сторона защиты. Было бы опрометчиво вслед за Г.-М. Сассом и Р. Гуи буквально толковать ее требование судить по действовавшим в Германии нормам писаного права и распространять его на «Правила новой терапии и экспериментов на людях» 1931 года — немецкий ведомственный нормативный правовой акт, содержащий формулировку информированного согласия и другие нравственно значимые требования [37; 38]. Критики проходят мимо того, что защита отри-

цала за последним законную силу. Конечно, это не связывало руки суду автоматически, однако тема «Правил новой терапии» действительно прозвучала на процессе не громко.

Можно было бы сфокусировать внимание и на других скользких аспектах тактики судебных прений, в том числе таких, которые до настоящего времени не нашли исторического объяснения. Но в наших целях важнее, что линия, которой придерживались подсудимые и их адвокаты, не сводилась к глухому игнорированию врачебной этики. Скорее, они настаивали, что американская медицина не вписывалась в нравственную конфигурацию, вменяемую медицине немецкой, что соображения наподобие непричинения вреда и сочувствия к испытуемым перевешивались общей политической линией и конкретными распоряжениями начальства, императивами преданности нации, воинской дисциплины и т. п. Словом, «этические обязательства подчиняют себя тоталитарному характеру войны» (из последнего слова К. Брандта) [34, с. 1031]. Дополнительно защита апробироваала довод, что статус заключенного не препятствует его вовлечению в эксперимент на началах добровольности и личной заинтересованности [30, р. 209—210]. Таким образом, контраргументация объективно способствовала осознанию актуальности доказательного очерчивания определенных этических положений как общезначимых принципов.

Пятое. Заслуживает учета также позиция Американской медицинской ассоциации, чьи обнародованные в первые дни суда и менее обременительные, чем НК, Принципы медицинской этики использовались в целях «опровержения утверждения защиты о том, что стандарты надлежащего проведения экспериментов на людях не были четко установлены до начала судебного разбирательства» [1, р. 136].

Итак, НК было бы трудно выдать за воплощение общей воли в коллективной цели. Правильнее видеть в нем дискурсивный результат, полученный в процессуальных формах судебного состязания по схеме параллелограмма сил. В то же время с известной долей отвлеченности его выработка, видимо, может быть охарактеризована на фундаменте концепции права как торжества языка над насилием современно-го французского философа П. Рикёра [39].

Действие во времени. Об НК часто пишут в выражениях, которыми создается впечатление, что в качестве акта писаной морали (или права) он уже сошел со сцены, в эстафетном порядке передав свой мировоззренческий ре-

сурс следующим поколениям нормативных документов и оставаясь для них точкой отсчета [2, с. 54; 26, с. 42; 40, с. 112; 41, с. 139—140]. Бывает, что ему отводится роль хранителя истоков нравственных норм в медицине, но не акта прямого действия [42, с. 16]. Параллельно существует мнение, что НК действует и сейчас вместе с Хельсинкской декларацией Всемирной медицинской ассоциации 1964 года [43, с. 46—47; 44, р. 319].

Необходимым условием правильного ответа на вопрос о времени действия служит корректная постановка вопроса. Не только в 1947 году, но вообще никогда НК «не был официально принят полностью как закон каким-либо государством или как свод этических норм (*ethics*) ни одной крупной медицинской ассоциацией» [29, р. 1439]. Поэтому о действительности НК оправданно говорить прежде всего *de facto*, а не *de jure*: он действителен в той мере, в какой действен, то есть в какой его содержание просвечивает сквозь архитектуру прикладной этики в соответствующей сфере (тонкости локализации НК в поле права также не надуманы и будут частично затронуты ниже). Что же касается обозначения «Нюрнбергский кодекс», то оно появилось намного позднее «Медицинского дела» как результат манеры выражаться, выходящей далеко за границы конкретного судебного разбирательства. В данном случае не разработка документа потребовала оснащения его реквизитами легальности, включая название, а появление названия спрессовалось с осознанием НК в начале 1960-х годов как влиятельного ответа на вопрос о правилах экспериментов на человеке [36, р. S162, S165].

Абсолютизация. В конце XX века, когда исторички наподобие НК и Женевских деклараций 1949 года на постсоветском пространстве были еще в новинку, прозвучал тезис, что «в „Нюрнбергском кодексе“ впервые в истории человечества была выдвинута идея примата блага и интересов отдельного человека над интересами как науки, так и общества» [45]. Впоследствии он был скорректирован автором [46, с. 283], но формулировка успела прижиться [6, с. 85; 18, с. 111—112; 20, с. 26; 22, с. 236]). Можно натолкнуться на упоминания о НК в контексте «гуманного отношения ко всему живому» [47, с. 113], чаще же всего, повторим, в нем видят стартовую точку проникновения в исследовательскую этику принципа добровольного (информированного) согласия (в НК информированность понимается как один из признаков добровольности, чего нам достаточно, чтобы не углубляться в

нюансы) [25, с. 103; 48, с. 179; 49, с. 70]. В заявлениях такого рода присутствует элемент утрирования.

Прежде всего, мы будем не первыми, кто поднимает тему прецедентов. Проследивая их до рубежа XVIII—XIX веков, в доктринальном аспекте называют врачей англичанина Т. Персиваля, американца У. Бомонта, француза К. Бернара [31, р. 124—126], а также немецких врачей А. Молля [22, с. 236] и П. Эрлиха [50, р. 151]. С польской стороны список пополняется автором «Медицинской этики и обязанностей врача» Т. Хейманом [51, р. 795], с российской — автором «Записок врача» В. В. Вересаевым [46, с. 283—299; 52; 53, с. 208]. В институционально-регулятивном аспекте также просматривается определенный исторический пунктир: трактовки английского законодательства 1830 г. (требование информированного согласия на терапевтический эксперимент и проч.) — вошедший инициативы Персиваля Этический кодекс Американской медицинской ассоциации 1847 года — указание прусского министра по делам религии, образования и здравоохранения (т. н. Берлинский кодекс 1900 г.) — затронутые выше «Правила новой терапии и экспериментов на людях» Министерства внутренних дел Германии [31, р. 124—133; 50, р. 150—151]. Тесное сходство с последними привело Р. Гуи к эпатажирующему выводу о том, что НК «повинен в плагиате» [38, р. 75].

Идея исторического приоритета НК как первого в своей области *международного* документа также нуждается в детализации. Мы проанализируем ее, сочетая собственно интернациональный аспект с юридикто-страноведческим.

«...Хотя Суд над врачами считался не связанным с американским законодательством международным трибуналом, который только номинально проводился США, он тем не менее был проникнут американской юриспруденцией и может рассматриваться как исключительно американский» [54, р. S176], — указывают А. Лашапель-Анри, П. Джетвани и М. Гродин. Тем не менее вращение НК в американские же врачебный менталитет, нормативную базу функционирования медицинских организаций и судебную практику было медленным и частичным [55]. Дж. Аннас описывает судебную правовую позицию, согласно которой в системе американского права он является дискуссионным материалом без нормативной функции [56, р. 208—209]. И «даже когда Нюрнбергский кодекс цитировался как авторитетный источник, — заключает исследователь, — с ним, как

правило, не соглашались, и ни один суд в США никогда не присуждал возмещение ущерба пострадавшему от эксперимента испытуемому и не наказывал экспериментатора на основании нарушения Нюрнбергского кодекса» [15, р. 21; 56, р. 201].

Одна из причин подобного отношения, которое прямо названо парадоксальным [56, р. 201], — стремление избежать ассоциаций с медиками нацистского Рейха. Дж. Кац для характеристики самосознания американского врачебного сообщества тех лет использует широко разлетевшиеся слова: «Это был хороший кодекс для варваров, но ненужный кодекс для обычных ученых врачей (physician-scientists)» [57, р. 228]. Печать именно такой установки несет на себе самое раннее зафиксированное нами в выдержках из аутентичных американских источников употребление термина «Нюрнбергский кодекс» в конце 1961 — начале 1962 года [1, р. 158]. У. Шмидт подытоживает: в США и Великобритании НК, «похоже, не сыграл сколько-нибудь значимой роли в регулировании экспериментальных исследований на людях» [30, р. 278].

США своими руками устранили возможность укрепить репутацию НК на Токийском международном процессе 1946—1948 годов, предоставив в обмен на информацию о биологических экспериментах над людьми судебный иммунитет участникам японской программы разработки биологического оружия, хотя «материалом» для их опытов послужили, в числе представителей многих национальностей, пленные американцы. Наши сведения о менее громких американских судах, где в качестве потерпевших также фигурировали военнослужащие США, скудны и не проливают света на вопрос, сыграл ли НК какую-нибудь роль хотя бы в них [58, р. 9—11]. На проведенном же СССР в 1949 году Хабаровском процессе, в поле внимания которого находились японские военные медицинские преступления, НК, судя по официальным документам, не упоминался [59]. Советский юридический персонал вообще вряд ли знал о его существовании, но и будь по-другому, трудно предполагать, что это как-то сказалось бы на течении суда и его итогах. Международно-правовой аспект предмета судебного разбирательства был сведен к минимуму.

В то время как изоляция НК от Токийского и Хабаровского трибуналов вписывается в логику Холодной войны, отсутствие триумфального шествия кодекса по странам, лежащим к западу от Железного занавеса, нуждается в более подробном объяснении. Приходя к выводу о не-

значительности воздействия НК на правосудие и медицинское сообщество Франции, К. Бона и Ф. Шмальц видят причину в широком спектре различий между профессиональными группами судей и врачей, прокуроров и ученых и приходят к выводу о незначительности воздействия НК на правосудие и медицинское сообщество [60, р. S199, S202]. Французскую ситуацию нельзя механически переносить ни на Австрию, ни тем более на создававшийся в то время Израиль, но в аспекте невлиятельности НК она там примерно такая же [61; 62].

Историки, анализирующие собственно международное измерение НК, описывают не его прямое действие, а созвучия и преемственность с последующими правовыми и этическими актами. Общим местом является подчеркивание связи с Хельсинкской декларацией, которая восприняла его положения, но не дублировала их [50, р. 150—160]. Дорогу от Нюрнберга к Хельсинки Шмидт назвал извилистой [30, р. 281], и, как гласит Доклад Консультативного комитета по радиационным экспериментам, «по сравнению с возвышенным идеализированным языком Нюрнбергского кодекса Хельсинкская декларация, возможно, показалась многим исследователям в начале 1960-х более разумной, поскольку она предлагала правила, которые больше напоминали исследовательскую практику в клинических условиях» [1, р. 156].

Сводка противоречий

По мере анализа казусов НК его портрет предстал перед нами все более камерным и, главное, написанным красками противоречий. Суммируем наиболее значимые.

Вошедшие в НК положения позиционировались судом как констатация: «Все согласны в том, что следует соблюдать определенные базовые принципы» [34, с. 1264]. Они же оспаривались защитой как *vae victis* (лат. — горе побежденным): «Немецкий врач, который в Германии проводил эксперименты на немцах, не может осуждаться исключительно в соответствии с американским медицинским мнением, которое, более того, датируется 1945 г. и было кодифицировано в 1945 и 1946 гг. для дальнейшего использования» [34, с. 1162], «немецкого доктора, который действовал в соответствии с немецкими правилами, нельзя наказывать сильнее, чем американского доктора, выполнявшего требования своего государства тем способом, который был там привычен» [63, р. 129—130].

Один из создателей НК Айви верил «в профилактику, а не в „карательное средство“» (эти

слова приводит П. Вайндлинг [32, р. 56]); его коллега Александер надеялся, что удастся сделать «нечто в самом деле монументальное, одновременно историческое и правовое» (выдержка из частного письма Александера, имеющаяся у Шмидта [30, р. 199]). Однако когда будущее, в которое они смотрели, наступило, смысловые приоритеты НК постепенно стали не столько восприниматься как разработка на перспективу, сколько объясняться ретроспективно, через неразрывную связь с историческими обстоятельствами его возникновения [31, р. 122; 55, р. 197].

Неся в себе общие требования морального порядка, НК вместе с тем появился в составе юридического решения по индивидуальному делу, постановленного в результате точечного наложения англосаксонского правосудия на системную правовую среду романо-германского типа, и, как мы отмечали, ни в международном праве, ни внутри права американского радиус действия кодекса впоследствии не считался очевидным.

НК — это и один из источников, оказывающих, с общепринятой точки зрения, наиболее глубокое влияние на регулирование моральных аспектов исследований с участием человека в роли испытуемого, — и «наспех составленный документ» [38, р. 75], который, говоря словами Г.-М. Сасса, «по загадочной причине превозносится как самый важный краеугольный камень исследовательской этики» [37, р. 103]. Это и текст, за авторство которого со временем вспыхнуло соперничество, — и, как мы помним, опус, квалифицированный как литературная кража. Это и решающий вклад «в объединение этики Гиппократова с защитой прав человека» [29, р. 1439] — и объект «критики не только за то, что в нем есть (included), но и за то, чего в нем нет» [50, р. 156]. Наконец, он едва ли не единодушно воспринимается в качестве официально принятого документа несмотря на то, что принятое в принципе можно и отменить, а путь к отмене НК, если бы столь невероятная мысль все-таки пришла кому-нибудь в голову, пролегает через пересмотр судебного приговора по «Медицинскому делу», что совсем уже фантастично.

В чем причины настолько глубокой и множественной неоднозначности? Одна, возможно, заключается в том, что во времена СССР НК публично не обсуждался [19, с. 26], а когда информационные границы открылись, был впитан в ускоренном порядке рецепции опыта Запада. И хотя с тех пор минуло три десятка лет, некоторые клише остались; следовательно, сохранился и задел мистификации реальности.

Но этот фактор имеет ограниченную объяснительную силу, потому что публикации зарубежных ученых также не свободны от разночтений. Обычно последние относятся не к вопросам установления фактов, а к вопросам их толкования, а это указывает не только на индивидуальную субъективность мнений и бреши в эмпирической базе, но и на объективную многозначность интерпретируемого источника. Для иллюстрации сказанного можно бросить еще один взгляд на упомянутую ранее двойную этико-юридическую размерность НК, в конечном счете упирающуюся в одну из кардинальных проблем философии права — проблему соотношения моральных и правовых регулятивов.

Заключение

В то время как под конкретные упущения и разногласия можно подвести то одну, то другую столь же конкретную детерминанту, антиномичность картины в целом, по нашему мнению, есть симптом постепенного перехода НК из реальной истории в формат исторического предания. Посредством психологического механизма аберрации близости одни связанные с кодексом моменты переоцениваются, другие недооцениваются, третьи видятся через призму четвертых и т. д. Сравнительно небольшая отдаленность НК от современности разыгрывает с сознанием шутку, притупляя бдительность к тому, что якобы не нуждается в специальном выяснении, ибо «и так всем известно». Таким путем появляются вымышленные датировка, суд, статус; этим же путем несмотря на предупреждение Р. Давида о своеобразном понимании термина «кодекс» в американской юриспруденции [64, с. 378] из его присутствия в названии делается поспешное умозаключение к наличию официальных атрибутов, которыми на континенте обычно наделены документы данного типа... Текст начинает все больше осмысляться исходя из ситуации (а нередко и заблуждений) интерпретатора и все меньше — из «самого себя». Продолжая двигаться в этом направлении, впоследствии он может полностью оторваться от своего хронотопа (обстоятельств времени и места) и неделимым уже образом объединить реальный элемент с фантастическим — иначе сказать, перейти в состояние мифа.

Само по себе это не катастрофа. С точки зрения сохранения жизненных функций «мификация» (превращение в миф) намного предпочтительнее мумификации, так как мумия есть технически успешный, но мертвый и пассивный «экспонат» из прошлого, а успешный миф даже

спустя тысячелетия не перестает на глубинном уровне кодировать феномены, обманчиво обнаруживающие себя в облике «беспрецедентных» новаций на сцене будущего. Но из сказанного не следует, что надо форсировать события или пускать их на самотек. Медицина, столетиями почитавшаяся в качестве врачебного искусства, превратилась в высокоинтеллектуальную профессию и вслед за этим подверглась стремительной специализации и технологизации. Благодаря научно-техническому прогрессу определенные слои природы, в том числе генетической природы *homo sapiens*, бывшие прежде объективной данностью, стали предметом вмешательства, превращаются или уже превратились в конструкт, а тем самым и проблему, имеющую нравственный и правовой аспект.

Вопрос о цене медицинских решений приобретает особую остроту в экстремальных ситуациях массового характера, таких как пандемия, и все мы почувствовали, что они далеко не только сценарий, разыгрываемый в теоретическом пространстве футурологии или декорациях Голливуда (научно-философский анализ проблемы обеспечения этических стандартов проведения научных исследований на человеке в связи с пандемией COVID-19 уже начался [65]). Биоэтика изменилась после Нюрнберга [46, с. 161—175], и нет оснований сомневаться, что сборка и пересборка ценностей и фактов, о чем на заре биоэтики говорил В. Р. Поттер, будет продолжаться. И если наше обращение к НК не является ритуальным возложением венков к подножию мемориала, то желательно располагать ясным и достоверным образом того, с чем в его «лице» мы имеем дело.

Можно ли видеть в Нюрнбергском кодексе «символ нравственной чистоты медицины в цивилизованном мире» [6, с. 85]? Наверное, можно, однако тогда надо видеть и трагическую тень за его спиной. «То, чем порожден Нюрнбергский кодекс, было кошмаром. Но этот образец часто повторяется в истории: нормы порождаются кошмарами» [3, р. 166]. Прибавить нечего, разве что одно-единственное: бдительность и критичность в отношении кодексов с точки зрения практики, как и в отношении практики с точки зрения кодексов, — необходимый материал для строительства духовных баррикад против реальных кошмаров.

Примечания

1. Advisory Committee on Human Radiation Experiments — Final Report. Release Date Copy. October 1995, 925 p.

2. Сапёров В. Н. История развития врачебной этики // *Здравоохранение Российской Федерации*. 2012. № 3. С. 53—55.

3. Harmon L. The Doctors' Trial at Nuremberg // *The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945. 60th Anniversary International Conference*. München, K G Saur, 2006. Pp. 164—173.

4. Цыганова О. А., Светличная Т. Г., Трофимов В. В. Анализ международного законодательства, регламентирующего защиту прав пациентов // *Экология человека*. 2013. № 1. С. 20—24.

5. Heller K. J. *The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law*. New York, Oxford University press, 2011. 509 p.

6. Силюянова И. В. «Нюрнбергский кодекс» и его значение для современной науки // *Медицинская этика*. 2014. № 1. С. 85—88.

7. Фоминская М. Д. Религия и политика государства в сфере биомедицинских технологий // *Философия права*. 2014. № 1. С. 109—112.

8. Шibaев Д. В. Правовой режим врачебной тайны как информационно-правового объекта // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2015. № 3. С. 66—77.

9. Гусейнов А. А. Этика науки // *Ведомости прикладной этики*. 2017. № 50. С. 103—116.

10. Луцевич К. А., Решетько О. В., Луцевич Т. С. Современная парадигма фармакологического исследования с участием беременных женщин: оценка риска, морально-этические принципы и регуляторный аспект // *Педиатрическая фармакология*. 2014. Т. 11, № 2. С. 22—29.

11. Стамбольский Д. В., Брызгалова Е. В., Ефименко А. Ю., Аласания К. Ю., Шкомова Е. М., Гавриленко С. М., Вархотов Т. А., Мацкеплишвили С. Т. Информированное согласие на получение и использование клеточного материала человека: нормативно-правовое и этическое регулирование // *Российский кардиологический журнал*. 2018. Т. 23, № 12. С. 84—90.

12. Харламов В. Э., Харламова Т. М. Этика научного исследования: зарубежный опыт // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 5—2. С. 402—405.

13. Шипова Е. А. Международная защита прав человека при проведении геномных исследований // *Правовое государство: теория и практика*. 2020. № 2. С. 157—165.

14. Annas G. J. *American Bioethics After Nuremberg: Pragmatism, Politics, and Human Rights*. Boston, Boston University, 2005. 26 p.

15. Annas G. J. Mengele's Birthmark: The Nuremberg Code in United States Courts // *Journal of Contemporary Health Law & Policy*. 1991; 7 (1): 17—45.

16. Annas G. J. The Changing Landscape of Human Experimentation: Nuremberg, Helsinki and Beyond // *Health Matrix*. 1992; 2 (2): 119—140.

17. Саввина О. В. Генетическая модификация эмбрионов и гамет человека: моральная оправданность

- экспериментов // *Философия и культура*. 2018. № 11. С. 86—92.
18. Порубов Н. И., Порубов А. Н. *Юридическая этика*. Минск: Высшая школа, 2012. 319 с.
  19. Созинов А. С. Семь рождений, семь матерей и семь ипостасей биоэтики // *Практическая медицина*. 2008. Т. 32. № 8. С. 24—30.
  20. Старовойтова О. Э., Сальников В. П. *Биомедицинский эксперимент и закон* // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2006. № 2. С. 25—32.
  21. Степин Д. С., Затравкин С. Н. *Научная революция в медицине второй половины XX — начала XXI века: расширение рефлексии над научной и практической деятельностью в медицине* // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2017. Т. 25. № 3. С. 178—183.
  22. Церковский А. Л., Дуброва В. П. *Медицинская этика*. Витебск: ВГМУ, 2007. 260 с.
  23. Renzong Qiu: The Legacy of the Nuremberg Code and the Approach to Bioethics in Mainland China. *Wiener klinische Wochenschrift // The Central European Journal of Medicine*. 2018; 130: S225—S228.
  24. Гриненко Г. В. *Формирование профессиональной научной этики и ее современные проблемы* // *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*. 2017. № 4. С. 23—31.
  25. Белякова Н. *Христианские основы Bio-Ethik Фрица Яра и центральноевропейская перспектива восприятия его концепций* // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2020. № 4. С. 92—109.
  26. Кондратьева Е. И., Саратиков А. С. *Этический комитет Сибирского государственного медицинского университета* // *Бюллетень сибирской медицины*. 2002. № 4. С. 41—47.
  27. Миронов П. И. *Этическая экспертиза клинических исследований: Хельсинкская Декларация-2008*. // *Медицинский вестник Башкортостана*. 2009. Т. 4. № 6. С. 82—86.
  28. Ткаченко П. В., Липатов В. А., Привалова И. Л., Северинов Д. А., Хмаро Н. И. *Этико-правовые аспекты экспериментальной практики* // *Innova*. 2016. № 1. С. 29—35.
  29. Shuster E. *Fifty Years Later: The Significance of the Nuremberg Code* // *New England Journal of Medicine*. 1997; 337 (20): 1436—1440.
  30. Schmidt U. *Justice at Nuremberg: Leo Alexander and the Nazi Doctors' Trial*. New York, Palgrave Macmillan, 2004, 386 p.
  31. Grodin M. A. *Historical Origins of the Nuremberg Code* // *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. New York, Oxford University Press, 1992, pp. 121—144.
  32. Weindling P. *The Origins of Informed Consent: The International Scientific Commission on Medical War Crimes, and the Nuremberg Code* // *Bulletin of the History of Medicine*. 2001; 75 (1): 37—71.
  33. Nurnberg Military Tribunals. *Indictments*. Office of Military Government for Germany (US). Nuremberg, 1946, 322 p.
  34. *Военные трибуналы Нюрнберга: Медицинское дело: сборник материалов*. Новочеркасск: Военная литература (militera.lib.ru), 2018. 1423 с.
  35. Shuster E. *American Doctors at the Nuremberg Trial* // *American Journal of Public Health*. 2018; 108 (1): 47—52.
  36. Weindling P. *From the Nuremberg "Doctors Trial" to the "Nuremberg Code"* // *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine*. 2018; 130: S162—S165.
  37. Sass H.-M. *Ambiguities in Judging Cruel Human Experimentation: Arbitrary American Responses to German and Japanese Experiments* // *Eubios Journal of Asian and International Bioethics*. 2003; 13: 102—104.
  38. Ghooi R. B. *The Nuremberg Code — A Critique* // *Perspectives in Clinical Research*. 2011; 2 (2): 72—76.
  39. Рикёр П. *Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права* // *Вопросы философии*. 1996. № 4. С. 27—36.
  40. Маккиарини П., Кондратьева Е. *Особенности этической экспертизы при планировании и проведении клинических исследований в регенеративной медицине* // *Клеточная трансплантология и тканевая инженерия*. 2011. Т. 6. № 4. С. 111—118.
  41. Мавед Е. О. *Медицинский эксперимент: морально-правовой аспект* // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право»*. 2013. № 1. С. 135—143.
  42. Тлепшуков И. К., Шавладзе З. Н. *Рекомендации для врачей, осуществляющих биомедицинские исследования. Хельсинкская декларация Всемирной ассоциации врачей* // *Радиация и риск*. 1997. № 10. С. 16—18.
  43. Солоненко А. П. *Мировоззренческая безопасность и этические аспекты исследований биологически совместимых материалов* // *Национальные приоритеты России*. 2019. № 1. С. 44—49.
  44. Wijngaarden E., van, Leget C., Goossensen A. *Ethical Uneasiness and the Need for Open-ended Reflexivity: The Case of Research into Older People with a Wish to Die* // *International Journal of Social Research Methodology*. 2018; 21 (3): 317—331.
  45. Юдин Б. Г. *Горький юбилей. Биоэтика: принципы, правила, проблемы*. М.: Эдиториал УРСС, 1998. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/bio/eti/ka/bioetika/index.htm> (дата обращения: 02.03.2021).
  46. Юдин Б. Г. *Человек: выход за пределы*. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 472 с.
  47. Чадаев В. Е. *Этические принципы при работе с лабораторными животными* // *Вісник проблем біології і медицини*. 2012. Т. 1 (92). № 2. С. 113—115.
  48. Мустафина Л. А. *Этические принципы и правовые вопросы взаимоотношения врача и пациента* // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2009. № 3. С. 174—181.

49. Сударева Е. О. Добровольное согласие как условие медицинского вмешательства в праве РФ и США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2008. № 3. С. 70—75.

50. Perley S., Fluss S.S., Bankowski Z., Simon S. The Nuremberg Code: An Internatoinal Overview // The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation. New York, Oxford University Press, 1992, pp. 149—174.

51. Moreno J. D., Schmidt U., Joffe S. The Nuremberg Code 70 Years Later // JAMA 2017; 318 (9): 795—796.

52. Михаловска-Карлова Е. П. В. В. Вересаев: к истокам биоэтики // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2015. № 3. С. 122—124.

53. Трубецкова Е. Г. «Записки врача» В. Вересаева в контексте этических проблем медицины // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. № 2. С. 207—211.

54. Lachapelle-Henry A. M., Jethwani P. D., Grodin M. The Complicated Legacy of the Nuremberg Code in the United States // Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine. 2018; 130: S172—S180.

55. Glantz L. H. The Influence of the Nuremberg Code on US Statutes and Regulations // The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation. New York, Oxford University Press, 1992, pp. 183—200.

56. Annas G. J. The Nuremberg Code in U.S. Courts: Ethics Versus Expediency // The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation. New York, Oxford University Press, 1992, pp. 201—222.

57. Katz J. The Consent Principle of the Nuremberg Code // The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation. New York, Oxford University Press, 1992, pp. 227—239.

58. Vanderbrook A. Imperial Japan's Human Experiments Before and During World War Two (2013). Electronic Theses and Dissertations, 2004—2019. 2589. URL: <https://stars.library.ucf.edu/etd/2589> (дата обращения: 02.03.2021).

59. Материалы судебного процесса по делу бывших военнопленных японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Госполитиздат, 1950. 538 с.

60. Bonah Ch., Schmaltz F. The Reception of the Nuremberg Code and its Impact on Medical Ethics in France: 1947—1954 // Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine. 2018; 130: S199—S202.

61. Czech H. Post-war Trials Against Perpetrators of Nazi Medical Crimes — the Austrian Casen // Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine. 2018; 130: S165—S169.

62. Zalashik R. The Shadow of the Holocaust and the Emergence of Bioethics in Israel // Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine. 2018; 130: S183—S186.

63. Trials of War Criminals Before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Volume II. Nuernberg October 1946 — April 1949, 896 p.

64. Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. 496 с.

65. Тищенко П. Д. Биоэтические вызовы пандемии COVID-19 // Медицинская этика. 2020. № 2. С. 13—18.

References

1. Advisory Committee on Human Radiation Experiments — Final Report. Release Date Copy. October 1995, 925 p.

2. Saperov V. N. The Development of Medical Ethics History. *The Russian Federation Healthcare*, 2012, no. 3, pp. 53—55. (In Russ.)

3. Harmon L. The Doctors' Trial at Nuremberg. *The Nuremberg Trials: International Criminal Law Since 1945. 60th Anniversary International Conference*. München, K G Saur, 2006, pp. 164—173.

4. Tsyganova O. A., Svetlichnaya T. G., Trofimov V. V. International Legislation Regulating the Patients' Rights Protection Analysis. *Human Ecology*, 2013, no. 1, pp. 20—24. (In Russ.)

5. Heller K. J. The Nuremberg Military Tribunals and the Origins of International Criminal Law. New York, Oxford University press, 2011, 509 p.

6. Siluyanova I. V. "Nuremberg Code" and its Significance for Modern Science. *Medical Ethics*, 2014, no. 1, pp. 85—88. (In Russ.)

7. Fominskaya M. D. Religion and State Policy in the Field of Biomedical Technologies. *Philosophy of Law*, 2014, no. 1, pp. 109—112. (In Russ.)

8. Shibaev D. V. The Medical Secrecy Legal Regime as an Informational and Legal Object. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2015, no. 3, pp. 66—77. (In Russ.)

9. Guseinov A. A. Ethics of Science. *Applied Ethics Statements*, 2017, no. 50, pp. 103—116. (In Russ.)

10. Lutsevich K. A., Reshetko O. V., Lutsevich T. S. The Modern Paradigm of Pharmacological Research with the Participation of Pregnant Women: Risk Assessment, Moral and Ethical Principles and the Regulatory Aspect. *Pediatric Pharmacology*, 2014, vol. 11, no. 2, pp. 22—29. (In Russ.)

11. Stambolsky D. V., Bryzgalina E. V., Efimenko A. Yu., Alasania K. Yu., Shkomova E. M., Gavrilenko S. M., Varkhotov T. A., Matskeplishvili S. T. Informed Consent for the Human Cellular Material Receipt and Use: Legal and Ethical Regulation. *Russian Journal of Cardiology*, 2018, vol. 23, no. 12, pp. 84—90. (In Russ.)

12. Kharlamov V. E., Kharlamova T. M. Ethics of Scientific Research: Foreign Experience. *Basic Research*, 2014, no. 5—2, pp. 402—405. (In Russ.)

13. Shipova E. A. Human Rights International Protection in Genomic Research. *Legal State: Theory and Practice*, 2020, no. 2, pp. 157—165. (In Russ.)
14. Annas G. J. *American Bioethics After Nuremberg: Pragmatism, Politics, and Human Rights*. Boston, Boston University, 2005, 26 p.
15. Annas G. J. Mengele's Birthmark: The Nuremberg Code in United States Courts. *Journal of Contemporary Health Law & Policy*, 1991; 7 (1): 17—45.
16. Annas G. J. The Changing Landscape of Human Experimentation: Nuremberg, Helsinki and Beyond. *Health Matrix*, 1992; 2 (2): 119—140.
17. Savvina O. V. Genetic Modification of Human Embryos and Gametes: Moral Justification of Experiments. *Philosophy and Culture*, 2018, no. 11, pp. 86—92. (In Russ.)
18. Porubov N. I., Porubov A. N. *Legal Ethics*. Minsk: Higher School Publishers, 2012. 319 p. (In Russ.)
19. Sozinov A. S. Seven Births, Seven Mothers and Seven Hypostases of Bioethics. *Practical Medicine*, 2008, vol. 32, no. 8, pp. 24—30. (In Russ.)
20. Starovoitova O. E., Salnikov V. P. Biomedical Experiment and Law. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia*, 2006, no. 2, pp. 25—32. (In Russ.)
21. Stepin D. S., Zatravkin S. N. Scientific Revolution in Medicine in the Second Half of the XX — Early XXI Century: Expansion of Reflection on Scientific and Practical Activities in Medicine. *Problems of Social Hygiene, Health Care and the History of Medicine*, 2017, vol. 2, no. 3, pp. 178—183. (In Russ.)
22. Tserkovsky A. L., Dubrova V. P. *Medical Ethics*. Vitebsk: Vitebsk Medical University Publishers, 2007. 260 p. (In Russ.)
23. Renzong Qiu: The Legacy of the Nuremberg Code and the Approach to Bioethics in Mainland China. *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine*, 2018; 130: S225—S228.
24. Grinenko G. V. Professional Scientific Ethics Formation and Contemporary Problems. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts*, 2017, no. 4, pp. 23—31. (In Russ.)
25. Belyakova N. Christian Foundations of Bio-Ethik by Fritz Jahr and the Central European Perspective of his Concepts Perception. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, 2020, no. 4, pp. 92—109. (In Russ.)
26. Kondratyeva E. I., Saratikov A. S. Ethics Committee of the Siberian State Medical University. *Bulletin of Siberian Medicine*, 2002, no. 4, pp. 41—47. (In Russ.)
27. Mironov P. I. Ethical Review of Clinical Trials: Helsinki Declaration 2008. *Bashkortostan Medical Bulletin*, 2009, vol. 4, no. 6, pp. 82—86. (In Russ.)
28. Tkachenko P. V., Lipatov V. A., Privalova I. L., Severinov D. A., Khmaro N. I. Ethical and Legal Aspects of Experimental Practice. *Innova*, 2016, no. 1, pp. 29—35. (In Russ.)
29. Shuster E. Fifty Years Later: The Significance of the Nuremberg Code. *New England Journal of Medicine*, 1997; 337 (20): 1436—1440.
30. Schmidt U. *Justice at Nuremberg: Leo Alexander and the Nazi Doctors' Trial*. New York, Palgrave Macmillan, 2004, 386 p.
31. Grodin M. A. Historical Origins of the Nuremberg Code. *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. New York, Oxford University Press, 1992, pp. 121—144.
32. Weindling P. The Origins of Informed Consent: The International Scientific Commission on Medical War Crimes, and the Nuremberg Code. *Bulletin of the History of Medicine*, 2001; 75 (1): 37—71.
33. Nurnberg Military Tribunals. Indictments. Office of Military Government for Germany (US). Nuremberg, 1946, 322 p.
34. Military Tribunals of Nuremberg: the Medical Case. Novochoerkassk, Military Literature Publishers (militera.lib.ru), 2018, 1423 p. (In Russ.)
35. Shuster E. American Doctors at the Nuremberg Trial. *American Journal of Public Health*, 2018; 108 (1): 47—52.
36. Weindling P. From the Nuremberg "Doctors Trial" to the "Nuremberg Code". *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine*, 2018; 130: S162—S165.
37. Sass H.-M. Ambiguities in Judging Cruel Human Experimentation: Arbitrary American Responses to German and Japanese Experiments. *Eubios Journal of Asian and International Bioethics*, 2003; 13: 102—104.
38. Ghooi R.B. The Nuremberg Code — A Critique. *Perspectives in Clinical Research*, 2011; 2 (2): 72—76.
39. Ricoeur P. The Language Over Violence Triumph. A Hermeneutic Approach to the Philosophy of Law. *Philosophy Issues*, 1996, no. 4, pp. 27—36. (In Russ.)
40. Macchiarini P., Kondratyeva E. Features of Ethical Expertise in Planning and Conducting Clinical Trials in Regenerative Medicine. *Cell Transplantation and Tissue Engineering*, 2011, vol. 6, no. 4, pp. 111—118. (In Russ.)
41. Maved E. O. Medical Experiment: Moral and Legal Aspect. *Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Law Series*, 2013, no. 1, pp. 135—143. (In Russ.)
42. Tlepshukov I. K., Shavlazde Z. N. Recommendations for Physicians Conducting Biomedical Research. Helsinki Declaration by the World Association of Physicians. *Radiation and Risk*, 1997, no. 10, pp. 16—18. (In Russ.)
43. Solonenko A. P. World Outlook Safety and Ethical Aspects of Biologically Compatible Materials Research. *Russia National Priorities*, 2019, no. 1, pp. 44—49. (In Russ.)
44. Wijngaarden E., van, Leget C., Goossensen A. Ethical Uneasiness and the Need for Open-ended Reflexivity: The Case of Research into Older People with a Wish to Die. *International Journal of Social Research Methodology*, 2018; 21 (3): 317—331.

45. Yudin B. G. Bitter Anniversary. Bioethics: Principles, Rules, Problems. Moscow: Editorial URSS Publishers, 1998. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/bio/eti/ka/bioetika/index.htm> (accessed 02.03.2021). (In Russ.)
46. Yudin B. G. Human: Going Beyond. Moscow: Progress-Tradition Publishers, 2018. 472 p. (In Russ.)
47. Chadaev V. E. Ethical Principles When Working with Laboratory Animals. *Problems of Biology and Medicine Bulletin*, 2012, vol. 1 (92), no. 2, pp. 113—115. (In Russ.)
48. Mustafina L. A. Ethical Principles and Legal Issues of the Relationship Between a Physician and his Patient. *Actual Problems of Economics and Law*, 2009, no. 3, pp. 174—181. (In Russ.)
49. Sudareva E. O. Voluntary Consent as a Condition for Medical Intervention in the Law of the Russian Federation and the United States. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Legal Sciences Series*, 2008, no. 3, pp. 70—75. (In Russ.)
50. Perley S., Fluss S. S., Bankowski Z., Simon S. The Nuremberg Code: An Internatoinal Overview. *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. New York: Oxford University Press, 1992. Pp. 149—174.
51. Moreno J. D., Schmidt U., Joffe S. The Nuremberg Code 70 Years Later. *JAMA*, 2017; 318 (9): 795—796.
52. Michalovska-Karlova E. P. V. V. Veresaev: to the Origins of Bioethics. *Bulletin of the National Research Institute of Public Health*, 2015, no. 3, pp. 122—124. (In Russ.)
53. Trubetskova E. G. "Notes of a Doctor" by V. Veresaev in the Context of Ethical Problems of Medicine. *Bulletin of the Saratov University. New Series. Philology&Journalism Series*, 2020, vol. 20, no. 2, pp. 207—211. (In Russ.)
54. Lachapelle-Henry A. M., Jethwani P. D., Grodin M. The Complicated Legacy of the Nuremberg Code in the United States. *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine*, 2018; 130: S172—S180.
55. Glantz L. H. The Influence of the Nuremberg Code on US Statutes and Regulations. *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. New York: Oxford University Press, 1992. Pp. 183—200.
56. Annas G. J. The Nuremberg Code in U.S. Courts: Ethics Versus Expediency. *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. New York: Oxford University Press, 1992. Pp. 201—222.
57. Katz J. The Consent Principle of the Nuremberg Code. *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. New York: Oxford University Press, 1992. Pp. 227—239.
58. Vanderbrook A. Imperial Japan's Human Experiments Before and During World War Two (2013). Electronic Theses and Dissertations, 2004—2019. 2589. URL: <https://stars.library.ucf.edu/etd/2589> (accessed 02.03.2021).
59. Materials of the Former Japanese Army Servicemen Accused of Preparing and Using Bacteriological Weapons Trial. Moscow: Gospolitizdat Publishers, 1950. 538 p. (In Russ.)
60. Bonah Ch., Schmaltz F. The Reception of the Nuremberg Code and its Impact on Medical Ethics in France: 1947—1954. *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine*, 2018; 130: S199—S202.
61. Czech H. Post-war Trials Against Perpetrators of Nazi Medical Crimes — the Austrian Case. *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine*, 2018; 130: S165—S169.
62. Zalashik R. The Shadow of the Holocaust and the Emergence of Bioethics in Israel. *Wiener klinische Wochenschrift. The Central European Journal of Medicine*, 2018; 130: S183—S186.
63. Trials of War Criminals Before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Volume II. Nuernberg October 1946 — April 1949, 896 p.
64. David R. Major Legal Systems in the World Today. Moscow: Progress Publishers, 1988, 496 p.
65. Tishchenko P. D. Bioethical Challenges of the COVID-19 Pandemic. *Medical Ethics*, 2020, no. 2, pp. 13—18. (In Russ.)